

А. А. КУЗНЕЦОВ

ОБРАЗ ПРАВЛЕНИЯ ВЛАДИМИРСКОГО КНЯЗЯ ГЕОРГИЯ ВСЕВОЛОДОВИЧА В ЕГО ПОХВАЛЕ

В статье рассматривается Похвала-некролог владимирского князя Георгия Всеволодовича (1188-1238). Представленный в некрологе образ князя создан из цитат предшествующего текста Лаврентьевской летописи, сборника «Пчела», Библии и не соответствует реалиям правления князя Георгия Всеволодовича. Выдвигается предположение о том, что некролог был создан в 1377 г., а автором мог быть нижегородский епископ Дионисий. В Похвале опосредованно отразились нижегородские и общерусские исторические реалии 1370-х гг.

Ключевые слова: *Образ, Похвала, Георгий Всеволодович, Лаврентьевская летопись, Новгородская первая летопись, епископ Дионисий, Нижний Новгород, Батый.*

Владимирский князь Георгий (Юрий) Всеволодович (1188–1238) с момента своей героической гибели 5 марта на реке Сить на протяжении почти восьми веков не покидает страницы летописей, хронографов, Степенной книги, исторических трудов и публицистики. Спектр оценок его деятельности, а, соответственно, и образа, отдельных поступков крайне широк: от прямых к косвенным, от положительных к негативным.

В источниковедении и историографии особняком стоит характеристика правления князя в Лаврентьевской летописи (ЛЛ)¹, созданной, вероятно, в Вознесенском Печерском монастыре Нижнего Новгорода в 1377 г. по заказу нижегородско-суздальского князя Дмитрия Константиновича и благословению епископа Дионисия² (невозможность найти до сего дня следы отражения ЛЛ в нижегородском летописании вынуждает лишь предполагать нижегородское происхождение памятника³).

Данный текст по жанру можно отнести к посмертной похвале князя. С некоторыми усечениями и уточнениями панегирик князю повторен в Симеоновской летописи (СИМ)⁴. Похвала в СИМ в данной статье рассматривается вторичной к Похвале, читаемой в ЛЛ. Причина тому – компилятивный характер повествования СИМ о нашествии Батыева⁵, в котором читаются сведения из текстов о Батыевом нашествии в ЛЛ, Ипатьевской (ИЛ) и Новгородской первой (НПЛ) летописей⁶. Это об-

¹ ЛЛ. Стб. 468–469.

² Насонов. 1969. С. 80–225.

³ Клосс. 2003. С. 25.

⁴ СИМ. С. 59–60.

⁵ СИМ. С. 54–59.

⁶ Кузнецов. 2010. С. 325–334.

стоятельство свидетельствует о позднем по отношению к ЛЛl происхождении текста Похвалы в СИМ, прикрепленного к уже «собранному» повествованию о Батыевом нашествии.

В Похвале, читаемой в ЛЛl и СИМ в связи с описанием принесения в 1238 г. во Владимир останков погибшего на Сити Георгия Всеволодовича, преобладает воспевание князя с точки зрения христианских добродетелей. Остальные источники (до середины XVI в.), суммарно характеризующие Георгия Всеволодовича, создают образ светского правителя, проявившегося в таких значимых эпизодах русской истории как битвы на Липице, на Калке и на Сити.

Начинается Похвала словами «Бе Юрьи сын благоверного отца Всеволода»⁷ и заканчивается фразой «убьень бысть от безбожных и поганых Татарь. Се же все сдеяся грехъ ради наших»⁸. Тексты, предшествующие обозначенному началу и следующие после Похвалы, в встречаются в летописях. Более нигде влияния текста Похвалы не обнаруживается. Даже в Степенной книге (СК, сер. XVI в.), где князю, выпавшему из династической преемственности, отводится достаточно много места для его почти агиографического воспеания⁹. «Иван Грозный происходил от младшего брата Юрия князя Ярослава Всеволодовича, поэтому соответствующая седьмая степень Степенной книги посвящена не Юрию, а Ярославу. Однако именно здесь повествование о Юрии-Георгии приобретает черты агиографического (житийного) жанра, а сам Георгий впервые предстает в качестве святого-мученика»; «В Степенной книге Георгий Всеволодович не является центральным персонажем соответствующей степени, агиографическая линия в его изображении только намечена, он даже ни разу не назван святым. Однако популярность Степенной книги, заложенный в ней потенциал для осмысления древнерусской истории положили начало формированию образа святого князя»¹⁰. Можно сказать, что СК, а не более ранний текст в ЛЛl и СИМ, стала первоисточником агиографии князя.

Характеристика, представленная в Похвале в связи с перенесением останков князя Георгия Всеволодовича во Владимир, изобилует категориями христианской аксиоматики. Описание принесения тела князя во Владимир и скорби, доходившей до плача, епископов, игуменов, попов, черноризцев, его братьев Ярослава и Святослава Всеволодовичей, других князей, дружины, бояр и слуг, помещения тела в каменную гробницу сменяется перечислением добрых нравов погибшего на Сити правителя.

⁷ ЛЛl. Стб. 468; СИМ. С. 59.

⁸ ЛЛl. Стб. 469; СИМ. С. 60.

⁹ СК. 2007. С. 498–501.

¹⁰ Сиренов. 2003. С. 20, 22.

Из них на первом месте указывается, что Георгий Всеволодович тщился хранить Божьи заповеди, имел в сердце Божий страх, и, прежде всего, руководствовался словами Христа: «о сем познают вы вси чело-вечи яко мои учениц тесте, аще любите друг друга, не токмо же друга, но и врагы ваша любите, и добро творите ненавидящим вас, всяк зло-смысль его»¹¹. Применительно к этим словам можно вспомнить перипетии борьбы детей Всеволода Большое Гнездо за власть в 1212–1218 гг., вмешательство в нее смоленских князей. Апогеем тех событий стала битва на Липице в 1216 г. Такая актуализация была бы возможной, если бы автор данной вставки исходил из сообщения НПЛ о Липицкой битве в 1216 г. Однако в ЛЛ об этом конфликте почти ничего не говорится. Очевидно, летописец подразумевал событие из Батыева нашествия, когда к князю Георгию прибыли послы от татар. Они, названные злыми кровопийцами, были отпущены с богатыми подарками, но без требуемого мира. Этот факт изначально есть только в повествовании НПЛ о Батыевом нашествии. В других оригинальных текстах ЛЛ и ИЛ о трагедии конца 1230-х гг. данный эпизод отсутствует.

Видимо, условия монголов были оскорбительными, а потому князь Георгий заявил словами «пророка»: «брань славна луче есть мира студна, си бо безбожнии со лживым миром живущее велику пакость землям творять. Бог бо казнит напастми различными, да явятся яко злато искушено в горниле, христианам бо многыми напастми внити в царство небесное, сам бо Христос Бог нужно е царство небесное и нужницы всхытают е». Исследователи зачастую доверяют летописному указанию о происхождении этой фразы – некий «пророк». В таком случае просто цитируется этот фрагмент¹². Г. Подскальски усмотрел в рассуждениях князя о том, что христианам должно «многими напастми внити в царство небесное» цитату из 11-й и 12-й глав Евангелия от Матфея¹³. Однако в этих евангельских главах такой мысли не содержится.

Фразу «брань славна луче есть мира студна» не найти у Пророков канонического собрания библейских текстов. Зато она встречается в ЛЛ и родственных ей памятниках раньше 1238–1239 гг. В основе данной группы летописей (ЛЛ, Радзивилловской (РАДЗ), СИМ, Летописца Переяславля Суздальского (ЛПС)) лежал владимирский свод 1206 г.¹⁴. Читается изречение о славной брани и постыдном мире дважды: под 1186 и 1187 гг. В ЛЛ и СИМ эти чтения таковы: «Всеволодь же не всхоте мира их .

¹¹ ЛЛ. Стб. 468.

¹² См., например: Рудаков. 2009. С. 73.

¹³ Подскальски. 1996. С. 361.

¹⁴ Прохоров. 1989. С. 73–76.

яко пророк глаголет . брань славна луче есть мира студна . съ лживым же миромъ живущее . велику пакость землямъ творять» и «он же утаився всех мужи послов Всеволожих . и шедь инако речь извороча к ним . не яко святительскы но яко переветникъ и ложь яко ж глаголет мудрый Соломон . гнев укротимъ . лжею проливаеть сварь . а рать не до конца смирена . проливает кровь . а брань славна лучыши есть мира студна . со лживым миромъ живущее велью пакость землям творять»¹⁵. В РАДЗ эти фрагменты прописаны так: «Всеволод не восхоте мира их . яко же и пророкъ глаголетъ . брань славна луче есть мира студна . со лстивым же миром живущее велию пакость землям творят» и «яко глаголетъ мудрый Соломон . гневъ укротим лжею . проливаеть сварь . а рать не до конца смирена проливает кровь . а брань славна луче есть мира студна . со лживым же миромъ живущее . велию пакость землямъ творять»¹⁶.

В ЛПС облик у цитат под 1186 и 1187 гг. немного отличается от вышеприведенных: «Всеволодъ же не въсхоте мира их, яко же въ Бчеле глаголетъ: «Брань славна луче мира скудна». Съ лживым же миром живущее, велию пакость землям творять»¹⁷, а следующая цитата без искомой сентенции: «Яко же рече мудрыи Соломонъ¹⁸: «Гневъ, кротимъ лжею, проливаеть сварь, а рать, не до конца съмиряема, проливает кровь»»¹⁹. Именно ЛПС указывает источник фразы о предпочтении славной брани перед «студным» миром – это византийский сборник «Пчела»²⁰. Содержащиеся в нем изречения восходят к Евангелию, Апостолу, ветхозаветным книгам, трудам Отцов Церкви и античных мыслителей. На Руси «Пчела» известна не позднее 1219 г. Основой для такой датировки является те самые цитаты 1186 и 1187 гг. Исследователями со ссылкой на М.Н. Сперанского утверждается: «Поскольку Радзивилловский и Академический списки текстологически не зависят от Лавентьевского, а Переяславский летописец не зависит от остальных трех, цитата должна была находиться в общем источнике всех указанных летописей, и, следовательно, перевод «Пчелы» был известен не позже 1219 г.»²¹. Если же учесть исследования Г.М. Прохорова и Н.И. Милютенко²², то знакомство Руси с переводом «Пчелы» можно опустить к 1205–1206 гг.

¹⁵ ЛЛ. Стб. 403, 404–405 (цитата отсюда); СИМ. С. 32.

¹⁶ РАДЗ. Л. 239, 240.

¹⁷ ЛПС. С. 118, 119.

¹⁸ На самом деле, Соломону эти слова не принадлежат. Милютенко. 1996. С. 45.

¹⁹ ЛПС. С. 119.

²⁰ Благодарю П.С. Стефановича, указавшего, что искомая фраза ЛЛ (1239 г.) читается в «Пчеле». Об этой фразе в ЛПС см.: Милютенко. 1996. С. 45.

²¹ Пичхадзе. 2008. С. 7.

²² Прохоров. 1989; Милютенко. 1996.

В академическом издании «Пчелы» В.А. Семеновым в 1893 г. (переиздано в 2008 г.): искомая фраза читается в разделе «Слово о мире и рати»: «Брань славна лучши есть мира скудна»²³. Такое чтение прилагательного к слову «мир» расходится с тем, что видим в летописях. В этом списке «Пчеле» созданы образы скудного (небогатого) мира и славной войны, которая дает достаток трофеями. Однако в другом списке «Пчелы», восходящем к первому древнерусскому переводу²⁴, содержится такой вид изречения: «Брань славна луче есть мира студна»²⁵ – т.е. тот, что присущ ЛЛ, СИМ, РАДЗ, ЛПС в эпизодах второй половины 1180-х гг. В этом случае, совпадающем с летописной сентенцией, видим более привычные для древнерусской культуры оппозиции «военная слава – постыдный мир»²⁶. Подчеркнем, что летописцы в случае 1186, 1187 и 1238 гг. приводят афоризм в том виде, который, по мнению специалистов, читается в первоначальном и правильном переводе. Происхождение и авторство выражения «Брань славна луче мира студна», взятого древнерусскими книжниками из «Пчелы», не выяснены.

Детали Похвалы князю Георгию Всеволодовичу противоречат предыдущему тексту о Батыевом нашествии, читаемому в той же ЛЛ. Однако исследователи, не замечая ее идейной вычлененности, считают, что весь рассказ ЛЛ о нашествии Батыея, куда, по их мнению, органично входит панегирик князю, несет в себе одновременно и идею смирения, и идею сопротивления²⁷. С другой стороны, в самом тексте Похвалы историками обнаружены противоречия: «В панегирике князю... книжник сообщает чрезвычайно интересную деталь: оказывается, накануне нашествия татары опраивляли к Юрию послов с предложением о мире («рекуще: мирися с нами»). Юрий же «того не хотяше» [далее идет цитата ЛЛ со словами о славной брани и студном мире – А.К.]... Однако фразой, предшествующей этому отрывку, летописец дезавуирует сообщение о «Георгие мужестве». Оказывается, стремясь исполнять божественные заповеди, ...Юрий «преж мененых» послов «безбожных татар отпускаше одареными». Тем самым поступки Юрия оказываются не совсем понятными: если он отказывается от мира с татарами, если же князь одарил послов и заключил-таки мир с «погаными, как это могло сочетаться с идеей о бране, которая «лучше позорного мира»?»²⁸.

²³ «Пчела». 2008. С. 524.

²⁴ Пичхадзе. 2008. С. 10.

²⁵ «Пчела». 2008. С. 863.

²⁶ Стефанович. 2003.

²⁷ См. например: Рудаков. 2009. С. 72–74.

²⁸ Рудаков. 2009. С. 73.

Подобные прочтения летописного текста не удовлетворяют его контексту и смыслу. Начнем с того, что цитата о «Георгие мужестве» в источнике читается иначе: «Георгие мужество тезоимените» (разбор этой фразы см. ниже). Форма «Георгие» – это звательный падеж, а потому фраза должна переводиться как «Георгий [Ты], мужеству тезоименитый». Летописец в данном случае отнюдь не рассказывал о мужестве князя. Образ мужественного Рюриковича в данном случае создается (и не убедительно, с точки зрения антропонимики) другими средствами.

Сообщение о татарах, которые «преж менные» были отпущены одаренными, которые присылали послов с предложением мира, обрамлено в ЛЛ цитатами. Ими летописец отсылал к Библии (хотя они не всегда восходят к ней). Предшествует сведению о татарах в Похвале фраза «слово Господне еже рече... любите друг друга. не токмо же друга но и врагы ваша любите. и добро творите ненавидящим вас». И эти слова подкрепляются примером из действий князя Георгия: он прежде названных татар отпустил, одарив их (дар в данном контексте никак не подразумевает мира). Вторая часть известия о татарах (прислали послов с предложением заключить мир) связана с последующей фразой о славной брани, о том, что мир с безбожными приносит много бед и зла. Повествование о татарах четко делится на две части, не противоречащих друг другу: татары были отпущены с подарками, просимого мира они не получили. Эти две части, связанные в одном фрагменте темой посольства татар к князю, как к полюсам, тянут к определенным «библейским» нормам.

Тем не менее, Похвала содержит детали, которые противоречат реалиям предыдущего текста ЛЛ или не подтверждаются ими. Как указывалось выше, повествование ЛЛ о Батыевом нашествии, предшествующее Похвале, не знает переговоров монголов с князем Георгием. О них сообщает НПЛ. Согласно ей, монголы, пришедшие на Рязанскую землю, направили послов с чародейцей к рязанским князьям. Те встретили делегацию вне городов и отказались выдать монголам десятую долю во всем, после чего послы были отпущены во Владимир к Георгию Всеволодовичу. О чем князь владимирский вел переговоры с этой дивной делегацией, неизвестно. Зато сообщается, что рязанские князья запросили помощи у князя Георгия, а он отказался это сделать, поскольку «сам хоте особь брань створити». Однако, по мнению новгородского летописца, нельзя было противиться божьему гневу, «яко речено бысть древле Иисусу Наугину богом; егда веде я на землю обетованную, тогда рече: аз послю на ня преже вас недоумение, и грозу, и страх, и трепет. Такоже и преже сих отья господь у нас силу, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложи в

нас за грехи наши»²⁹. На самом деле, к Иисусу Навину эта фраза не применяется. Она принадлежит Моисею (летописец несколько ее адаптировал): «Господь Бог Ваш, наведет страх и трепет пред вами на всякую землю, на которую вы ступите, как Он говорил вам»³⁰. Образ князя Георгия в данном случае (НПЛ) отличен от того, что читается в Похвале: он лишен политической мудрости, героики и наделен растерянностью. Библейскую цитату о грозе, страхе и трепете можно отнести и к предшествующим словам, и к последующим сведениям НПЛ о взятии Рязани, битве под Коломной, взятии Владимира, битве на Сити, взятии Торжка. Если автор посмертной Похвалы в ЛЛ подразумевал этот текст, читаемый в НПЛ, а, видимо, так и было, то тогда он представил альтернативную версию мотивации поведения Георгия Всеволодовича зимой 1237/1238 г. Если этот автор имел перед глазами сведение НПЛ о нашествии Батыея и соотнес данный библейский комментарий с желанием Георгия сотворить «особую брань», то получается, что он ответил новгородскому летописному сообщению в той же плоскости библейских ценностей.

Итак, в Похвале ЛЛ представлен образ князя Георгия и его поведения во время Батыея нашествия, почти противоположный образу, прописанному в НПЛ. Средством полемики, своеобразным контраргументом стала «библейская» цитата, оспаривающая другую библейскую цитату, читаемую в НПЛ. В первом случае князь отказывается заключить унижительный мир и решает биться с врагом (которого, следуя Христовой заповеди, одарил, но не дал требуемого). Ведь сосуществовать с ним – это преступление заповедей Христа. Во втором случае (НПЛ) в своей гордыне князь Георгий хочет сотворить отдельную битву, но по причине Божьего гнева у него уже отнята сила и заменена недоумением, страхом и трепетом. Подробное описание того, что произошло зимой 1237/1238 г. новгородский книжник уподобляет валянию свиньи «в кале греховном», поскольку в таком состоянии русские земли пребывают до сих пор. Перед этой сентенцией помещены рассуждения о том, что Бог губит земли, прогнававшие его. Поэтому гнев в виде казней надо терпеть.

В Похвале другая идея – идея героического поведения ради того, чтобы не жить рядом, в мире с безбожными. Такой мир является источником великих пакостей «землям». Идея активного противостояния врагам христианства усиливается отождествлением имени князя с мужеством: «Георгие мужество тезоимените»³¹. Подобная фраза встреча-

²⁹ НПЛ. С. 74–74, 286.

³⁰ Второзаконие. 11:25.

³¹ ЛЛ. Стб. 468.

ется в ЛЛ и ИЛ при описании гибели Андрея Боголюбского в 1174 г.³². Имя *Андрей* действительно тезоименито мужеству, но имя *Георгий* имеет другое значение. Такая попытка выйти на отономастическую степень деэтимологизации имени *Георгий*, чтобы придать князю ореол мужественной гибели, не имела успеха и продолжения. В Похвале СИМ, вторичной Похвале ЛЛ, просто говорится «Георгие тезоимените»³³.

Имеется еще одно цитирование в Похвале. Для фразы «всякъ зломысль его прежемененя безбожныя татары отпушаше одарены»³⁴ угадывается источник в Похвале Владимира Мономаха под 1125 г.: «Вся бо зломыслы его вда Богъ под руце его... он же заповедь Божью храня, добро творяше врагом своим, отпушаше я одарены»³⁵. При этом в контексте Похвалы Георгию фраза «всякъ зломысль...» по сравнению с оценкой Мономаха бессмысленна, а потому ее надо считать заимствованной по частям из Похвалы Мономаху³⁶. В Похвале Мономаху определяется источник еще одной сентенции из Похвалы Георгию: «потщася Божья заповеди хранити. и Божии страх присно имея в сердце . поминая слово Господне еже рече . о семь познают вы вси человеци яко мои ученици есте . аще любите друг друга . не токмо же друга...»³⁷.

Кроме мученической смерти князя в Похвале говорится о его добродетелях: раздавал имение свое просящим, помня о заповеди «облажени милостиви яко ти помилованы будут», строил церкви и украшал их иконами и книгами. Князем были поставлены многие города, среди которых выделен Новгород второй на устье Оки (т.е., Нижний Новгород). В связи с его основанием было построено много церквей и монастырь святой Богородицы. Князь чтит «излиха» чернечский и поповский чин, давая им требуемое, правил 24 года и погиб от татар³⁸.

Почитание князем Георгием духовенства, удовлетворения нужд просящих вызывают вопросы. В летописях нигде не сообщается о милости князя к нищим, любви к священникам и монахам. Нет и оснований, чтобы считать князя строителем многих церквей. Дословный источник этого сведения в Похвале Георгию опять обнаруживается в некрологе его прадеда Мономаха³⁹. Зато в последующем изложении автор Похвалы Ге-

³² ЛЛ. Стб. 368. ИЛ. Стб. 584 (в предшествующих тезисах этого текста: *Кузнецов*. 2011. С. 159 – по вине автора неверно указана данная ссылка).

³³ СИМ. С. 59.

³⁴ ЛЛ. Стб. 468.

³⁵ ЛЛ. Стб. 294; РАДЗ. Л. 159.

³⁶ Буланин. 1997. С. 471.

³⁷ ЛЛ. Стб. 294, 468 (цит. отсюда).

³⁸ ЛЛ. Стб. 468–469.

³⁹ ЛЛ. Стб. 294; РАДЗ. Л. 158.

оргию обнаруживает оригинальность. Если автор Похвалы Мономаху в качестве примера строительства им приводит создание церкви Бориса и Глеба на Альте, то Георгий упомянут как основатель Нижнего Новгорода. Думается, что кроме важности этого акта, о нем упоминается в этом месте ЛЛ еще и потому, что именно в Нижнем Новгороде были выстроены церковь Спаса, вне города – церковь, названия которой мы не знаем, и монастырь святой Богородицы. Об этих постройках упомянуто в предшествующем тексте ЛЛ: в 1224 г. в Нижнем Новгороде была заложена князем церковь Спаса⁴⁰; в 1229 г. мордва Пургаса сожгла монастырь святой Богородицы и церковь, находившиеся вне городских укреплений Нижнего Новгорода⁴¹. Применительно к упоминаниям храмостроительства закладка Нижнего Новгорода, помимо прочего, стала информационным поводом. Примечательно, что в связи с безымянной церковью и Богородичным монастырем в ЛЛ, кроме Похвалы, нигде не говорится, что князь Георгий был инициатором их возведения.

Все эти текстовые реалии Похвалы создают дуалистичный образ правления князя Георгия. С одной стороны, его княжение, его поступки и мотивация действий во время Батыева нашествия сведены исключительно к идеалу православного правителя, воплощенного конкретно во Владимире Мономахе – прадеде Георгия Всеволодовича. С другой – подчеркиваются только нижегородские локальные реалии (основание города, закладка храмов и монастыря). Значительная часть добродетелей князя Георгия в его Похвале взята – практически цитированием (в одном случае бессмысленным) – из некролога Мономаха, читаемого в ЛЛ и РАДЗ. Другие цитаты заимствованы из текста Владимирского свода 1205/1206 г. (сообщения 1186 и 1187 гг.). Опуская конкретные текстологические наблюдения, укажем, что непосредственный источник Похвалы Георгия – предшествующий текст ЛЛ. Один блок ЛЛ, из которого заимствованы детали Похвалы – Владимирский свод 1205/1206 г. Другой массив информации – сведения ЛЛ о ранней нижегородской истории.

К нарративу, сотканному из цитат ЛЛ (характеристика Мономаха, доономастическая степень деэтимологизации имени Андрея Боголюбского, толкование речей и поступков Всеволода Большое Гнездо, сведения о Нижнем Новгороде в 1220-х гг.), подверстываются фрагменты о поведении Георгия Всеволодовича во время Батыева нашествия. С учетом того, что угадывается полемика Похвалы Георгия Всеволодовича с текстом о Батыевом нашествии в НПЛ в объяснении мотивации поведения князя, можно предположить, что текст Похвалы создавался вместе с написанием

⁴⁰ ЛЛ. Стб. 447.

⁴¹ ЛЛ. Стб. 451.

ЛЛ. Вдохновителем или даже автором Похвалы мог быть Дионисий (с 1374 г. епископ Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца). По его благословию, как указал летописец Лаврентий, и писалась ЛЛ (Стб. 487). Отсюда, тот самый героический и церковный пафос, обусловленный духом «эпохи Куликовской битвы». Это предположение позволяет придать второе дыхание версии Г.М. Прохорова, согласно которой текст о Батыевом нашествии в ЛЛ являет собой результат редактуры и дополнения Дионисием какого-то исходного первоначального текста⁴². Эта идея не принимается многими источниковедами, несмотря на то, что преодолеть результаты кодикологического анализа Г.М. Прохоровым рукописи ЛЛ не удалось. К выводам, аналогичным тем, что предложил Г.М. Прохоров, пришел Н.Д. Русинов: «в Лаврентьевской летописи отрицательная оценка Юрия Всеволодовича устранена... И хотя Юрий Всеволодович и предводительствуемые им войска были разгромлены татаро-монголами на р. Сити, это в вину Юрию Всеволодовичу в Лаврентьевской летописи не поставлено, а наоборот, завуалировано словами «Похвалы» ему»⁴³.

Однако текстологический анализ позволяет несколько иначе, чем Г.М. Прохоров, представить картину складывания текста ЛЛ о нашествии Батыя. Важным обстоятельством является то, что рассказ о нашествии Батыя, читаемый в ЛЛ, проявился деталями в компилятивных повестях летописей XV–XVI вв. (Ермолинская, Воскресенская, Львовская, Никонская, Софийская первая, Новгородская четвертая летописи, Московский летописный свод конца XV в., Рогожский летописец, Тверской сборник и др.). Только влияния текста Похвалы в этих компиляциях нет. В СИМ, в которой, видимо, проявился первый этап компилирования⁴⁴, Похвала «прикреплена» к «сборному» тексту о нашествии. Текст Похвалы в СИМ вторичен Похвале в ЛЛ. Более нигде в источниках Похвала не отразилась. Поэтому в рассказе ЛЛ о нашествии Батыя надо выделить две части. Первая – собственно нарратив, достаточно древний, о нашествии Батыя, затем проявившийся в летописании. Вторая – инкорпорированный в него текст Похвалы, не повлиявший на дальнейшее летописание.

Похвала интертекстуальна по отношению к тексту ЛЛ о Батыевом нашествии. Методика ее создания, в технике бриколажа с замкнутым набором текстов-цитат⁴⁵, такова: использование фрагментов предшествующей части ЛЛ из некролога Владимира Мономаха, некролога Андрея Боголюбского, высказываний относительно Всеволода Большое

⁴² Прохоров. 2000 (а). С. 257–258; 2000 (б). С. 136–140.

⁴³ Русинов. 1988. С. 23.

⁴⁴ Кузнецов. 2010. С. 325–334.

⁴⁵ Данилевский. 2004. С. 54–57.

Гнездо, рассуждений и поучений, сообщений о Нижнем Новгороде, а также сведения, первоначально читаемого в повествовании НПЛ, о посольстве к Георгию. Обращает на себя внимание и то, что Похвала написана в связи погребением тела князя. А потому примечательны заимствования из Похвал Владимира Мономаха и Андрея Боголюбского. А они представляют собой своеобразные некрологи. Структурной канвой Похвалы Георгию стала Похвала Владимира Мономаха в ЛЛ.

Автором (или соавтором) Похвалы был епископ Дионисий, чье внимание к нижегородским реалиям связано с тем, что его резиденция находилась в Нижнем Новгороде, столице великого княжества. Оно во второй половине XIV в., наряду с Московским, Рязанским княжествами, играло важную роль в подъеме антиордынского движения. Среди фактов противостояния нижегородцев особое место занимает эпизод с уничтожением посольства Сарай-аки в 1374 г. 19 февраля того же года Дионисий стал нижегородским епископом⁴⁶. Летом нижегородцы побили мамаевых послов (около тысячи), а главу посольства Сарай-аку с отрядом привели в Нижний Новгород⁴⁷. Пленники долго просидели в Нижнем Новгороде, а затем князь Василий Дмитриевич Суздальский велел «Сараику и его дружину разню развести». Сарай-ака, угадав замысел, со своим отрядом силой занял двор духовного владыки. Ордынцы подожгли двор и начали отстреливаться. Летописи приписывают загнанному в угол Сарай-аке желание убить Дионисия, однако пущенная стрела лишь оперением задела край подола одеяния епископа. Ордынцы были перебиты⁴⁸. Не подвергая сомнению идею об антиордынских настроениях Дионисия⁴⁹, нельзя принять, что духовный пастырь, благословил разгром посольства и убийство посла, инициированные князем. Эта на первый взгляд парадоксальная, но логичная позиция и могла отразиться в Похвале: с одной стороны князь Георгий отпускает одаренных послов Батюга, но не дает мир врагам.

Визуальное представление правления Георгия Всеволодовича в Похвале имеет значение для источникововедения и историографии отдельных проблем. В Похвале упомянут монастырь Богородицы. В нижегородской историографии с XIX в. этой обителью считается Благовещенский монастырь. Нижегородский краевед середины XIX в. Н.И. Храмцовский писал: «Господин Строев в ключе своем к “Истории государства Российского”, полагает, что Благовещенский монастырь и есть тот Богородицкий, который разорил Пургас в 1229 г, что подтверждают и местные преда-

⁴⁶ Рогожский летописец. 2000. Стб. 105; СИМ. С. 113.

⁴⁷ Рогожский летописец. 2000. Стб. 106; СИМ. С. 114.

⁴⁸ Рогожский летописец. 2000. Стб. 108–109; СИМ. С. 115.

⁴⁹ Прохоров. 2000 (б). С. 139–140; Прохоров. 2000 (а). С. 258.

ния»⁵⁰. Н.И. Храмцовский указал того, кто первым в исторической науке увидел в Богородичном монастыре Благовещенский монастырь. Авторитет историка П.М. Строева, в середине XIX в. историографической славой чуть уступавшего Н.М. Карамзину и С.М. Соловьеву, был крайне высок для любителей местных древностей.

Вопреки утверждению Н.И. Храмцовского, ни одного местного предания, подтверждающего, что Благовещенский монастырь в 1220-е гг. назывался просто Богородицким, неизвестно. Сам Храмцовский их не привел и не указал. Следует обратить внимание на то, кто мог являться носителем исторической памяти о первых десяти годах существования Нижнего Новгорода. Дело в том, что город на протяжении своей истории пережил, по крайней мере, два периода запустения – после нашествия Едигея в 1408 г. и в первой трети XVI в. Тогда татарские, ногайские и прочие кочевые отряды, образно говоря, терзали Нижний Новгород и округу. В таких условиях истребления нижегородцев, массового увода их в плен некому было бы передавать какие-то легенды большому числу переселенцев в Нижний Новгород из других мест.

Нет и никаких оснований для отождествления Богородичного монастыря в 1221 г. с монастырем Благовещения Богородицы, кроме совпадения имени Богородицы. Богородичная обитель, кроме Благовещенья, могла быть связана с монастырем Успения, Похвалы, Рождества, Покрова или Ведения во храм Богородицы. Епископ Дионисий знал о существовании Благовещенского монастыря. В его бытность монахом созданного им нижегородского Вознесенского Печерского монастыря в 1370 г. в Нижнем Новгороде с горы сошла лавина «еже над Волгою за святым Благовещением»⁵¹. Это летописное сообщение – первое прямое упоминание географического объекта с названием *Благовещенье* (агиотопоним является производным от названия монастыря, что подтверждается географической близостью обители и данного района города). Если епископ Дионисий, видевший Благовещенский монастырь, был (со)автором Похвалы Георгию Всеволодовичу, читал тексты о сожжении монастыря вне града мордвой, но не отождествил Богородичный монастырь 1229 г. с Благовещенским монастырем, то, видимо, в его представлении это были разные объекты. Поэтому первое упоминание Благовещенского монастыря надо отнести к 1370 г. и отсюда же вести отсчет его истории. Ранее упоминание Благовещенского монастыря, обновленного митрополитом Алексием, в Нижегородском летописце (памятнике XVII в.) недостоверно⁵².

⁵⁰ Храмцовский. 1998. С. 323.

⁵¹ СИМ. С. 110.

⁵² Кривцов. 2005. С. 106–114.

Эти факты приводят к выводу, согласно которому монастырь Богородицы – ровесник Нижнего Новгорода – не имел продолжения. Обитель не возродилась после ее сожжения в 1229 г. Д.Ю. Кривцов показал, что упоминание в нижегородском летописании XVII в. обновления Благовещенского монастыря в начале 1370-х гг. митрополитом Алексием недостоверно. Богородичный монастырь, о котором написано в Похвале, не отождествлялся Дионисием с Благовещенским. Значит, в картине мира Дионисия монастыря 1229 г. или его остатков не было.

Похвала Георгию Всеволодовичу отражает представления о нем и его правлении, сформировавшиеся во второй половине XIV в. в Нижнем Новгороде. Основанный этим князем город стал столицей сильного княжества, которое наряду с другими активно начало процесс борьбы с Ордой. В связи с данным обстоятельством и создавалась Похвала с антиордынским настроением. Цель Похвалы: дать образец поведения князя, борца с внешним врагом и христианского правителя. Текстовой калькой Похвалы стал некролог Владимира Мономаха. Фигура этого Рюриковича играет большую роль в ЛЛ. Ведь только в ее составе дошло «Поучение Владимира Мономаха». Цитаты, связанные с правлением отца Георгия – Всеволода Большое Гнездо, отсылают и к этому князю.

Упадок Нижегородского великого княжества, начавшийся в 1390-е гг., стал одной из предпосылок того, что этот текст не получил дальнейшего развития в летописании.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Буланин Д.М.* Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. СПб.: Наука, 1997. С. 467–472.
- Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
- Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. 605 с.*
- Клосс Б.М.* Лаврентьевская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник/ Под ред. Я.Н. Щапова. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. С. 23–26.
- Кривцов Д.Ю.* Два волжских предания о митрополите Алексее // Лествица: Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В.П. Макарихина / Под ред. А.А. Кузнецова Нижний Новгород: ННГУ, 2005. С. 106–129.
- Кузнецов А.А.* Нашествие Батые на Северо-Восточную Русь в 1237/1238 г.: источниковедение фактов // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции / Под ред. О.С. Аржановой. Нижний Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2010. С. 325–343.
- Кузнецов А.А.* Сакральный образ правления владимирского князя Георгия Всеволодовича (1188–1238) по его Похвале // Историки между очевидным и воображае-

- мым: проблемы визуализации исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти чл.-корр. С.И. Архангельского / Под ред. А.В. Хазиной. Нижний Новгород: НГПУ, 2011. С. 156–160.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
- Летописец Переяславля Суздальского // ПСРЛ. Т. XLI. М.: Археографический центр, 1995. 168 с.
- Милютенко Н.И.* Владимирский великокняжеский свод 1205 года (Радзивилловская летопись) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLIX. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 36–58.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII в. М.: Наука, 1969. 556 с.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- Пичхадзе А.А.* Древнерусский перевод «Пчель» // «Пчела»: Древнерусский перевод. Т. I. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.
- Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб.: Византиновроссика, 1996. 572 с.
- Прохоров Г.М.* Дионисий Суздальский // *Прохоров Г.М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Статьи. СПб.: Алетейя, 2000 (а). С. 257–258.
- Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе // *Прохоров Г.М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб.: Алетейя, 2000 (б). С. 136–140.
- Прохоров Г.М.* Радзивилловский список Владимирской летописи по 1206 год и этапы владимирского летописания // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLII. Л.: Наука, 1989. С. 53–76.
- «Пчела»: Древнерусский перевод. Т. I. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 888 с.
- Радзивилловская летопись. СПб: Глаголь. – М.: Искусство, 1994. Факсимиле.
- Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. XV. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
- Рудаков В.Н.* Монголы-татары глазами древнерусских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
- Русинов Н.Д.* О происхождении текста Лаврентьевской летописи // Идеология и культура феодальной России. Горький: Издательство ГГУ, 1988. С. 13–27.
- Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М.: Знак, 2007. 328 с.
- Сиренов А.В.* Великий князь Георгий Всеволодович в «Книге Степенной царского родословия» // Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 7–23.
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: В 3 т. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М.: Языки славянских культур, 2007. 598 с.
- Стефанович П.С.* «Честь» и «слава» на Руси в X–начале XIII в.: терминологический анализ // Мир истории. Электронный журнал. 2003. № 2: <http://www.historia.ru>
- Храмцовский Н.И.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: «Нижегородская ярмарка», 1998. 608 с.
- Кузнецов Андрей Александрович***, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; nalbuz@mail.ru